

ШЕЛЕСТ ЛИСТЬЕВ, ВОРКОВАНИЕ ГОЛУБЕЙ, ЗВОН КОТЛОВ,
ЖУРЧАНЬЕ РОДНИКА: ГАРМОНИЯ ЗВУКОВ В МАНТИКЕ
ДОДОНСКОГО ОРАКУЛА

С. С. КАЗАРОВ
Южный федеральный университет
ser-kazarov@yandex.ru

SARKIS KAZAROV
South Federal University (Russia)
THE RUSTLE OF LEAVES, THE COOING OF PIGEONS, THE RINGING OF CAULDRONS,
THE MURMURING OF A SPRING: THE HARMONY OF SOUNDS IN THE MANTICS
OF THE DODONIAN ORACLE

ABSTRACT. The ancient Greeks believed in various predictions. One of the most ancient oracles of Ancient Greece was the Dodonian oracle, located in Northern Greece in a remote and mountainous region called Epirus. The main symbol of Dodona was the sacred oak, with the help of which the god Zeus announced his will. The Dodona oracle can be called the oracle of sounds: the rustle of the leaves of the sacred oak, the cooing of doves nesting on its branches, the sacred cauldrons, which, in contact with each other, emitted a melodic sound, the murmur of a spring with water that possessed miraculous powers. The blows into the cauldron also symbolized protection from some kind of harmful effect. It is still not known exactly which of them were utilized for mantics, but they all created and emitted sounds that created an appropriate emotional environment and thus influenced the feelings of visitors. But it can be assumed that at different stages in the history of the Dodona oracle, various sound means were used.

KEYWORDS: Dodona, mantika, oracle, sound, cauldron, spring.

Древние греки, будучи по своему менталитету людьми набожными и суеверными, слепо верили в различные приметы и предсказания. В этом отношении, как справедливо отметил один современный исследователь, они были одновременно и похожи, и не похожи на современных людей (Eidinow 2007, 9). Это выразилось в том, что ни в одной другой стране древнего мира не было такого количества святилищ и оракулов, как в Элладе. И по той же причине большим разнообразием отличалось здесь искусство прорицания – мантика. Особенно наглядно это выразилось на примере древнейшего

святилища Древней Греции – Додонского оракула, находившегося на самой дальней окраине греческого мира, в далеком горном Эпире.

Основным средством передачи смертным воли богов был звук. То, что греки называли искусством прорицания, было искусством интерпретации различных звуков и сигналов, посланных богами. Сигнал бога был инструментом посредничества между знанием богов и менее ограниченным знанием людей (Flower 2008, 72). На роль звука в мантике Додонского оракула не так давно четко указал молодой испанский исследователь Диего Чапинал, мнение которого мы полностью разделяем. Однако, высказав данный тезис, упомянутый автор, во-первых, отказался от его развития. Во-вторых, испанский исследователь звуковое воздействие в Додоне свел исключительно к додонским котлам (или по другой версии – к гонгу), в то время, как все иные средства звукового воздействия на человека оказались за пределами его внимания. В данной статье мы постараемся восполнить этот пробел.

Итак, вернемся к изначальному тезису Д. Чапинал – роли звука. Звук, откликаясь в человеке, создает определенные образы и переживания. К звукам необходимо относиться серьезно и осознанно – они способны вызывать эмоциональную реакцию или даже менять психологическое состояние человека. Для создания соответствующего эмоционального состояния человеку необходимы привычные и приятные уху звуки: шуршанье листвы, треск огня, журчание бьющего из-под земли родника, щебетанье птиц, резкие, но все-таки привычные для горного Эпира порывы ветра.

Главным символом Додоны считался дуб. В религиях многих народов дохристианской Европы дуб и дубовая роща играли важную роль (Кагаров 1913, 100). Не случайно он считался деревом Зевса, через которое владыка богов говорил с простыми смертными. Вполне вероятно, что в окрестностях Додоны ранее находилась целая дубовая роща, но в рассматриваемый период дуб уже был, скорее всего, один (Nicol 1958, 138), что подтверждается и пассажами из античных авторов (Paus. I.17; Verg.Georg. II.16). Дуб был «говорящим» и отражением этого мнения был миф о том, что нос судна «Арго», отправляющегося в далекое странствие, был сделан именно из дерева этого дуба и имел способность говорить (Apoll. I. 9. 16). Ещё одним отражением пророческих способностей священного дуба был рассказ о развешенных на его ветвях гирляндах, которые издавали соответствующие звуки при малейшем дуновении ветра (Philostr. Im. 2.33). Несмотря на то, что мы не имеем достоверной информации о самом методе прорицания, нет сомнений в том, что оно происходило с помощью звука (Chapinal 2015, 25). Этим звуком называют был шорох листьев (Curnow 2004, 58; Gartziou-Tatti 1990, 176),

шуршание ветвей (Nicol 1958, 139), которые уже затем толковались служителями культа.

В тесной связи с дубом находились додонские голуби, которые гнездились в ветвях дуба. И это не случайно. Необходимо иметь в виду, что в древности звуки, издаваемые некоторыми птицами, считались выражением божественной воли. Согласно существующему мнению, в древнем святилище воркование голубей рассматривалось как выражение воли Зевса, которую доводила до вопрошающих специальная группа жрец, именуемых голубками. Так, в одной из трагедий афинского автора Эсхила некие «люди-голуби» интерпретировали те звуки, которые издавали голуби. Другое свидетельство из этого ряда – легенда об основании Додонского оракула: именно голубь, сидящий на священном дереве указывает Девкалиону, как ему нужно поступить (Arist. Meteor. I. 14). До нас дошла также легенда о том, как некому дровосеку, собиравшемуся срубить священный дуб, именно голубь повелел не трогать священное дерево Зевса. Со временем голубицы были «очеловечены» и превратились в служительниц культа. Предположение Г. Раше о том, что предсказания в Додоне первоначально производились на основе полета голубей, не находит никакого подтверждения в источниках (Raschet 1962, 94).

Третье, и, пожалуй, самое действенное средство эмоционального воздействия на человека с помощью звука выступает под различными названиями: «додонские котлы», «додонский гонг» или «додонская медь» (при этом надо иметь в виду, что в реальности эти предметы делались из бронзы). Но, по сути, под этими тремя названиями скрывается один и тот же предмет. Уже в классическую эпоху эллины непрерывно говорящего человека сравнивали с котлом из Додоны. Отражение этого мы наблюдаем в древнегреческой поэзии. Каллимах, известный представитель Александрийской школы поэтов (конец IV – сер. III вв. до н.э.), в одном из своих произведений, дошедших до нас лишь во фрагментах, пишет о том, что его разбудил звон додонской бронзы (Steph. Byz. s.v. Dodona). В одной из комедий Менандра (сер. IV – нач. III вв. до н.э.) автор уподобляет одну неумолкающую женщину с непрерывно звучащим звуком додонского котла, при этом добавляя, что остановить звучащий котел человеческой рукой проще, нежели закрыть рот женщины, который может не закрываться всю ночь (Men. Arryph. = Steph. Byz. s.v. Dodona). Даже в конце V в., когда в памяти древних о Додоне могли остаться весьма смутные воспоминания, у философа Прокопия мы находим выражение: «мы превращаемся в настоящий додонский гонг» (Proc. Ep. 99, 269). Однако самое важное описание устройства, которое современные исследователи ассоциируют с «додонским котлом» (или «гонгом») мы нахо-

дим у известного географа Страбона. По его словам, это был подарок керкирян, который представлял собой мужскую статую, в руках которой был бич с наконечниками, приводящимися в движение дуновением ветра, вследствие чего они ударяли в котел, который, в свою очередь, издавал мелодичный звон. Так родилось выражение «додонская плеть» или по другой версии – «додонский бич». (Strab. VII. Frg. 4). Помимо Страбона подобное описание конструкции мы находим у малоазийского автора Полемона, побывавшего в Додоне примерно во II в. до н.э. Повествованием Страбона и других древних авторов удачно дополняются данными археологии: в окрестностях святилища были обнаружены части треног из бронзы и железа, относящиеся к VIII – VII в. до н. э., что позволяет сделать вывод о том, что активную деятельность оракула можно отнести примерно к данному периоду (Dakarlis 1996, 3; Curnow 2004, 57-58).

В античной исторической традиции существует единодушное мнение, – и оно разделяется современной историографией, – о том, что в самую раннюю эпоху своей истории святилище не было окружено стенами и определенное время роль стен играли расположенные по периметру святилища треножки с висевшими на них котлами. Об этом сообщает малоизвестный автор IV в. до н.э. житель Аттики Демон, которому слепо доверяют все современные авторы (Vandenberg 1979, 53–54; Raschet 1962, 95). Мы не можем доподлинно утверждать, каким образом эти котлы производили волнующий паломников звон. Это могло быть и дуновение ветра, и вольное или невольное касание посетителем одного из котлов. «Побеспокоенный», таким образом, котел задевал соседний и таким образом по принципу домино начинали звучать и все остальные котлы.

Каково же было общее количество котлов? К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают нам однозначного ответа, однако мы располагаем упоминанием комментатора к «Одиссее» Гомера Евстафия о том, что их был целый ряд и размещены они были вплотную друг к другу (Eustath. Comment. ad Hom. Od. XIV. 327). Мы не можем не учитывать того обстоятельства, что один котел, в отличие от нескольких подобных не мог издавать ни протяженного, ни громкого звука.

Для того, чтобы четко разграничить существующие в античной исторической традиции понятия («додонская бронза», «феспротский котел», «керкирский бич») необходимо вернуться к сохранившимся пассажам древних авторов и в конечном итоге понять, что из себя представляла упомянутая конструкция.

Первоначально рассматриваемый нами источник звука представлял собой расположенные на земле вокруг святилища группу бронзовых котлов,

именуемых совокупным названием «додонская бронза». О том, что они располагались именно на земле, а не на высокой колонне, убедительно аргументировал А.Б. Кук: едва ли до находящего на высокой колонне котла можно было дотянуться рукой и остановить его звучание (Cook 1902, 3). Другая причина заключалась в том, что оторванная от земли и находящаяся на высоте статуя обретала ореол святости и некой приближенности к небесным силам. Расположение упомянутой конструкции на определенном расстоянии над землей могло, по нашему мнению, иметь и чисто утилитарный смысл: таким образом более надежно была обеспечена её сохранность от различного рода поломок и повреждений. Интересным аналогом на этот счет может служить храм в Гиерополе, где на его высокую колонну поднимался человек, который непрерывно проводил там несколько дней в молитвах и ударяя в гонг (Cook, 1902, 27), который также, по-видимому, был из бронзы. На этот счет можно провести аналогию с обычаем, практикующимся у ранних христиан-столпников, в частности, преподобным Симеоном Дивногорцем. На высоких столпах с помощью лестницы взбирались т.н. столпники, которые затем убрали лестницы и на небольшой площадке на вершине столпа практически в полной изоляции проводили время в молитвах и размышлениях (Семенов, 1898, 3–4.)

Однако насчет наличия целой серии бронзовых котлов, окружающих святилище, особенно в гомеровскую эпоху, хотелось высказать наше сомнение. Скорее всего, в эпоху контроля феспротов над Додоной первоначально здесь располагался всего один котел. И здесь, как нам представляется, мы можем принять во внимание пассаж Климента Александрийского, который отделяет «феспротский котел» от «додонской бронзы» (Clem. Al. Prot. 11). К тому же весьма сомнительно, что при существующем в гомеровскую эпоху уровне обработки металла в труднодоступной Додоне могло оказаться такое огромное количество бронзовых котлов, способных по периметру окружить всю территорию святилища.

Таким образом, динамика развития рассматриваемого устройства, по нашему мнению, представляется в следующем виде: первоначально, приблизительно в Гомеровскую эпоху в Додоне существовал один котел (гонг), располагавшийся на треноге. Затем, приблизительно к периоду Архаики с развитием святилища и повышением его авторитета, а вместе с ним и укреплением его материального положения, вместо одного котла появилась целая их серия, которая окружала территорию святилища. Но приблизительно в Классический период выглядевшее довольно комично ограждение из котлов было заменено подарком керкирян – известной конструкцией, описанной Страбоном. Это, в свою очередь, привело к изменению исполь-

зуемой эллинами терминологии: «феспротский котел» сменился «додонской бронзой», которая, в свою очередь, с появлением новой конструкции обрела термин «керкирская плеть» (или «керкирский бич»). Необходимость в таком количестве котлов отпала тогда, когда территория святилища была окружена более надежными каменными стенами, что предположительно имело место в царствование царя Пирра (Dakaris 1996, 14; Chapinal 2015, 29; Piccinini 2016, 166).

Не менее важен в связи с произошедшими переменами вопрос об изменении роли самого звука. Едва ли можно согласиться с мнением Ф. Ванденберга о том, что на элина более благотворно действовал и вызывал большее доверие звук додонской бронзы, нежели воркование голубей или шелест листьев священного дуба (Vandenberg 1979, 55). Решение данной проблемы вплотную связано с ответом на вопрос о том, какова роль и особенности додонской бронзы в мантике одного из авторитетнейших оракулов в Древней Греции.

По мнению греческого археолога С.Дакариса, звуки, издаваемые додонскими котлами, затем были интерпретированы жрецами и затем передавались вопрошающим (Dakaris, 1996, 14).

Более остроумной и перспективной нам представляется версия, высказанная английским ученым Д.Николом. По его мнению, звук издаваемых от ударов в бронзовые котлы имел некий *апотропический* (в переводе с древнегреческого, «отводящий порчу») смысл: он должен был очищать священную территорию от различных злых сил (Nicol 1958, 140). С помощью звука, издаваемого от ударов в бронзовые предметы, который к тому же напоминал раскаты грома, изгонялись злые духи. Аналогии этому мы находим в греческой мифологии. Один из примеров тому – сопровождавшийся ударами в бронзу танец куретов на о.Крит, который оберегал только что родившегося Зевса от его отца Кроноса и его соглядатаев (Apoll.Argon.II. 1227; Lucres. De rerum natura II 629-649; Hygin. Myth. 139). Герой древнегреческих мифов Геракл, тщетно пытаясь выманить из их убежища Стимфалийских птиц, по совету богини Афины использовал трещотки из бронзы. Издаваемый ими страшный шум вынудил птиц покинуть свое убежище, чем и не преминул воспользоваться Геракл, перебив их из лука.

Использование для этой цели бронзы было не случайным. Она являлась средством очищения и символом чистоты и по этой причине использовалась в различных ритуалах (Apollod.Fragm. 36). Подобная традиция была заимствована у греков римлянами, а затем была воспринята и в Средние века. Так, во время лунного затмения римляне, подобно грекам, стали бить в бронзу (Liv. XXVI. 5.9; Plin. Nat. hist. II.12; Plut. Aem.Paul. 17). Несмотря на то,

что в эпоху христианства от этой процедуры вроде бы отказались, однако ее отзвуки все-таки сохранились: бронзовые котлы были заменены колоколами, которые были установлены на высоких колокольнях христианских церквей (Raschet 1962, 97).

Как уже было указано, удары в бронзовые предметы считался апотропическими – устрашающими, предохраняющими, но они также были и устрашающим. Известны примеры, когда воины накануне битвы ударяли в щиты, пытаясь вызвать чувство неуверенности и даже страха у противника (Liv. XXVIII. 29.10).

Говоря об апотропическом значении бронзовых котлов из Додоны, мы не должны забывать и об их роли в мантике. Звук, исходивший от ударов в додонскую бронзу, мог рассматриваться, как подражание грому верховного бога Зевса, озвучивающего свою волю смертным (Nicol 1958, 140). Все вышесказанное служит доказательством той великой роли, которую играл звук в мантике эллинов. Воркование голубей, шорох листьев и ветвей, всплески воды – и с этими природными звуками удачно сочетался чудесный, практически волшебный звон додонских котлов из бронзы.

Добавим, что и в последующие эпохи звук колокола освящал воздух и служил для изгнания из него всех вредоносных сил. Нельзя также не учитывать, что колокольный звон (а в нашем случае – звон котлов) оказывал благотворное и оздоровительное действие на человека (Джагаева, Жукова 2012, 125). В завершении по поводу бронзовых котлов хотелось бы сделать два важных замечания. Во-первых, из источников звука, используемых в Додоне, это единственный, который был создан руками человека, а не являлся естественным природным явлением. Во-вторых, о рассматриваемом символе святилища мы можем судить и на основе вещественных источников: в Национальном Музее Афин находятся фрагменты додонских треног и других бронзовых изделий из Додоны (Dakaris, 1996, 14; Сигнов 2004, 58–59).

Следующим символом и средством эмоционального звукового воздействия служил родник-источник, о котором, как это ни странно, сообщают только более поздние римские авторы. Впервые о додонском источнике мы узнаем в I до н.э. из произведения римского философа и поэта Тита Лукреция Кара «О природе вещей» («De rerum natura»):

Есть там родник с ледяной водой,
Поднесенная к которому материя
Загорается сразу. Факелы также он воспламеняет...,
И разносит огонь дуновением ветра.
(Lucret. VI. 880).

Последующие пассажи из произведений римских авторов по своему содержанию практически не отличаются друг от друга. Так, современник Лукреция Плиний Старший упоминает о существовании в Додоне источника Зевса с холодной водой, которая обладала чудесным свойством гасить погруженные в неё факелы и одновременно воспламенять уже погасшие. При этом Плиний добавляет, что в полдень вода из родника практически переставала струиться, в то время, как в полночь, когда отступала жара, вода из-под земли непрерывно пребывала (Plin. Nat. hist. II. 228).

Одновременно с Лукрецием и Плинием Старшим о додонском роднике-источнике писал римский географ Помпоний Мела. К уже известным нам сведениям о холодной и чудодейственной воде, способной гасить и зажигать факелы, он упоминает о существовании храма Юпитера Додонского, о котором умалчивают два предшественника автора (Pomp. Mela II. 3.37).

Ничего нового к имеющимся у нас данным не добавляют сведения писателя и грамматика Гай Юлия Солина (III в. н. э.), который также упоминает об этом роднике-источнике и струящейся из него воде, обладающей чудодейственными возможностями (Solin. VII.2).

И лишь автор комментариев к «Энеиде» Вергилия Мавр Сервий Гонорат добавляет к нашим сведениям о роднике-источнике пару новых штрихов: по его словам, именно из-под корней священного дуба, который находился около храма Зевса, бил источник, звуки воды которого интерпретировали жрецы, среди которых находилась старуха по имени Пелиада (Servius. Comment. In Verg. Aen. I. 1.). Таким образом и здесь определяющим выступает звук, который выступает и как символ, и как средство мантики.

Греческий археолог С. Дакарис, досконально исследовавший окрестности Додоны, не смог обнаружить следы упомянутого родника-источника (Dakaris 1996). Без каких-либо дополнений и возражений ему вторит С. Джонсон (Jonston 2008, 66). Еще одним аргументом, ставящим под сомнение наличие родника-источника, является полное отсутствие каких-либо иных материальных подтверждений. Однако, по нашему мнению, это не является поводом, чтобы полностью отвергать все вышеприведенные свидетельства римских авторов.

В свое время известный российский антиковед В.В. Латышев немногим более века назад назвал Додонский оракул «оракулом символов или знаков» (Латышев 1888, 178). Разделяя подобное мнение, мы бы сегодня назвали его не только оракулом знаков, но и оракулом звуков. Не случайно осознание роли звука в античном обществе привело к возникновению в настоящее время принципиально нового научного направления в археологии – археоакустики (Charinal 2015, 25). Именно звуки, исходящие от сил природы (ше-

лест листьев, воркование голубей, звон бронзовых котлов, журчанье родника) не только создавали соответствующую эмоциональную атмосферу, но и служили средствами мантики. Смена методов мантики отражала эволюцию оракульной практики Додоны, но неизменной оставался лишь её главное средство – звук. А все это, в конечном итоге, помогает понять одну из сторон менталитета древнего грека

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Джагаева, Т.Е., Жукова, Н.А. (2012) «Магическая сила воздействия музыкального звука на человека», *Проблемы современной науки и образования* 4, 125–129.
- Кагаров, Е.Г. (1913) *Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции*. Санкт-Петербург.
- Латышев, В. В. (1888) *Очерк греческих древностей*. Ч. 1. Санкт-Петербург.
- Семенов, А.Ф. (1898) *Житие преподобного Симеона Дивногорца*. Киев.
- Chapinal-Heras, Diego (2015) "Oracles and Sounds – Their Importance at the Sanctuary of Dodona," *Archaeoacoustics: The Archeology of Sound*. Istanbul, 25–32.
- Cook, A. B (1902) "The Gong of Dodona," *Journal of Hellenic Studies* 22, 5–8.
- Curnow, T (2004) *The oracles of the Ancient World*. London.
- Dakaris, S.(1996) *Dodona*. Athens.
- Eidinow, E (2007) *Oracles, Curses and Risk among the Ancient Greeks*. Oxford.
- Flower, M.A (2008) *The Seer in Ancient Greece*. Berkely – Los Angelos.
- Gartziou-Tatti, A (1990) "L'Oracle de Dodone. Mythe et Rituel," *Kernos*, 3, 175–184.
- Jonston, S. I (2008) *Ancient Greek Divination*. Oxford.
- Nicol, D. M (1958) "The oracle of Dodona," *Greece and Rome* 5, 128–43.
- Piccinini, D (2016) "Renaissance or decline? The shrine of Dodona in the Hellenistic period," in *Hellenistic Sanctuaries. Between Greece and Rome*. Eds. M. Melf and O. Bobou. Oxford, 167–183.
- Raschet, G (1962) "L'sanctuaire de Dodone origine et moyens de divination," *Bulletin de Assosiation Guillaume Bude*, 86–99.
- Vandenberg, F (1979) *Das Geheimnis der Orakel*. München.
- In Russian*
- Dzhagaeva, T.E., Zhukova, N.A (2012) "Magicheskaya sila vozdeistviya muzykal'nogo zvuka na cheloveka," *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 4, 125–129.
- Kagarov, E. (1913) *Kul'tfetishey, rasteniy i zhitovnykh v Drevney Gretsii*. St. Petersburg.
- Latyshev, V.V (1888) *Ocherk grecheskikh drevnostey*. Ch.I. St. Petersburg.
- Semenov, A.F. (1898) *Zhitie prepodobnogo Simeona Divnogortsa*. Kiev.